

НАША СТРАНА

Год издания—48-ой. Буэнос Айрес, суббота 16 марта 1996

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 16 de marzo de 1996 № 2379-2380

Е. ФОКИН

МОНАРХИЧЕСКИЙ ВСПЛЕСК

В статье „Монархический синдром“ Юрий Трофимов, обозреватель журнала „Спутник“, написал, что „история знает немало случаев, когда общество, измученное потрясениями, вдруг теряет здравое представление о себе самом. В таком состоянии ему начинает казаться возможным любые, самые невероятные повороты и превращения. Среди таковых в нынешней России не последнее место заняла идея восстановления монархии. Можно предположить, что у части наших сограждан в такую форму вылилась тоска по мощи и величию державы, бездарно пущенным на распыл“.

Ю. Трофимов сообщил затем, что московский Центр Исследований Политической Культуры устроил „круглый стол“ с характерной тематикой: „Имперская доминанта России“. Его участники согласились, что „нынешний всплеск монархических страстей в стране — уже второй за последние 5-7 лет“. Первый пришелся на 1988-1990 годы, то есть как раз на закат горбачевских экспериментов. Именно тогда — в мае 1990 года — состоялся учредительный съезд Православной Конституционно-Монархической партии России.

По словам Ю. Трофимова „не стоит совсем уж игнорировать этот эмоциональный всплеск; душевный порыв, столь свойственный всякому русскому человеку, порой все же перерастает в нечто осмысленное и целенаправленное. По ходу вышеупомянутой дискуссии отмечалось, что мировоззрение россиян за считанные годы претерпело поразительную эволюцию. От тоски по загубленной сталинизмом „старой ленинской гвардии“ и призывов восстановить в полном объеме власть Советов, узурпированную партократией, люди бросились в крайнюю монархичность, в отрицание пользы какой бы то ни было демократии для России. Средних лет дама, громко восклицающая „Да царь нам нужен, царь, поймайте!“ — это теперь почти обязательный персонаж телеинтервью, взятых на улице“.

Обозреватель журнала „Спутник“ затем подчеркнул: „Социологические опросы показывают: от силы 10-15% россиян продолжают верить, будто при царе наша страна являла собой нечто вечно отсталое, вечно пьяное и вечно грозящее окружающему миру. Пресловутый тезис о „тюрьме народов“ тоже начинает подвергаться сомнению. Подобный отказ от клише, уже навсегда, казалось, впечатанных идеологами в мозги совет-

ского человека, потянул за собой многое другое. В частности, переосмысление роли, формы и значимости российской монархии. Свыше половины соотечественников начинают усматривать в ней скорее становой хребет страны, без которого России никогда бы не состояться как великой державе“.

Ю. Трофимов считает, что возросший интерес к русским царям, умевшим достойно выводить страну из критических ситуаций и высоко держать ее международный авторитет является причиной того, что примерно четверть русских расценивает „моральную реабилитацию“ монархии в качестве одного из главных завоеваний всей перестроечной поры.

Сотрудник „Спутника“ сообщил далее, что по мнению Феликса Емелина, сопредседателя так называемой Партии Большеинства, в России сейчас существуют два направления монархической мысли: дворянское и народное: представители первого связаны со страной генетически, имеют огромные заслуги в прошлом, но страшно далеки от народа и его нынешних проблем. „Народные“ же монархисты согласно Емелину, в основном группируются вокруг Всероссийского Монархического Центра и вопросами возрождения монархии занимаются реально. Уже собрали два миллиона подписей в пользу проведения соответствующего референдума. Сверх того готовы предложить народу собственные способы выхода из кризиса экономики, посредничество в урегулировании межнациональных, региональных и социальных конфликтов. То есть сделать именно то, на что не способны, по их наблюдениям, дворянские монархисты.

Последние, конечно, не согласны с такой постановкой вопроса. Они исходят из того, что дворянство испокон веков профессионально служило отечеству и готово справиться с этой почетной задачей в сколь угодно резко изменившихся условиях. Разумеется, возрождение монархии является для них важнейшей целью. Но, как замечает предводитель российского дворянства князь Андрей Голицын, „наивно рассчитывать, будто путем референдума, государственного переворота или, не дай Бог, новой кровавой бойни в России вдруг завтра же восстановится монархический строй; большая часть нынешних монархистов скорее уповаает на всероссийский Земский Собор“.

Е. ФОКИН

МИРАЖИ СОВРЕМЕННОСТИ

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Монархия, какие бы недостатки ей ни приписывать, превратила постепенно небольшое Московское Княжество в необъятную Российскую Империю.

Новоявленная парламентская республика привела с первых же шагов к расчленению России, которое угрожает продолжаться вплоть до самых катастрофических итогов.

Конечно, можно сказать, что при большевизме распад не происходил. Хотя, в основном, и увеличения не было: шло лишь постепенное возвращение утраченных в годы революции территорий; за эти пределы советская Россия перешла лишь в весьма незначительных размерах.

Но это — какою ценой! Кровавый террор, всеобщее рабство, низведение населения к бессильному молчанию, истребление всего лучшего в стране...

Такою цену платить за сохранение единства страны пожалуй что и не стоило... Оно уж, как говорится, — себе дороже.

Тогда как при монархическом строе, если отвлечься от вранья и клеветы, все права человека соблюдались и свободы было больше, чем достаточно.

Как говорит о казаках один из героев Шолохова, если больше — то на улицах начнут друг друга убивать.

Что ж, этот вид свободы сейчас почти и достигнут...

А что до падения культуры, до ожесточения, озверения, вражды всех против всех, — довольно взглянуть на теперешнюю прессу в бывшем СССР, чтобы убедиться. Да об этом кто не говорит, — включая и в той же печати из-за исчезнувшего Железного Занавеса!

Не пора ли оглянуться и попробовать вернуться к традициям той России, которая была великой без того, чтобы быть ужасной?

Шаги в другом направлении ничего хорошего не сулят!

Ни нам, ни миру в целом.

НЕ ТУДА И НЕ О ТОМ

С отвращением и с изумлением читаем в нынешней печати на территории „бывшего СССР“ истерические призывы к восстановлению „великой советской империи“.

Советская империя была империей лжи, и в ней все строилось на лжи. Желать ее восстановления есть безумие, — и самый худший вид безумия!

Безумие это подымается в мозг от желудка, а в мозгу возникает на основе вчистую неверных предпосылок.

В советское время мол была колбаса. На деле, колбаса была, — дешевая и много; то есть была всем доступной, — в царское время.

Вот в ту империю нам бы и надо вернуться! Но ее от глаз советского обывателя скрывает длившееся десятилетиями бесстыдное вранье коммунистов, рисовавшее ее как некую страну мрака, нужды и страданий.

Разорвать эту пелену ложных фантазий рядовой гражданин бывшей Страны Советов оказывается не в состоянии.

Вот он и рвется обратно в клетку, где как раз кормить его будут скудно, а бить больно...

Жадно тянущаяся ко власти компартия науськивает его на теперешних правителей, старательно перекалывая на них свои старые грехи.

Но разве это теперешние воз-

главители осушили Арал, отравили Байкал, воздвигли на миллионах костей ненужный Беломорканал, затопили плодородные земли (и собирались другие еще; да не успели!)?

Разве не хозяйствование большевиков довело государство до экономического краха?

Мысль передать власть обратно им выражает подлинно стремление к гибели, будь оно осознанное или нет!

Выход надо искать в совсем ином направлении.

Возврат большевиков принесет с собою террор и юльное вновь упразднение свободы. Но никакого материального улучшения он людям, без сомнения, не принесет. Это есть, напротив, общее правило, что где у власти коммунисты, там продукты исчезают, как исчезают и человеческие права; и, конечно, в первую очередь, все культурные ценности.

Вызвать вновь на поверхность притаившихся сейчас бесов — легко. Дьявол всегда откликается, когда его зовут. Но потом... потом их не прогонишь. Они утвердятся „всерьез и надолго“.

Боже, смилуйся над Россией! Страшно и подумать об участи, которая ей готовится, — и, что самое грустное, руками ее сынов!

Елизавета Веденева

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

НЕ ТОТ ПУШКИН

Можно бы, казалось бы, порадоваться изданию в Москве книги „Последний год жизни Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники“, составленной В. Куниным и датирующейся 1989 годом. В ней мы, в частности, находим письма к Пушкину и письма к другим о Пушкине его современников. Письма-то самого Пушкина обычно прилагаются к собраниям его сочинений и публике хорошо известны. Оговоримся однако, что ценность таких материалов сильно снижается фактом, что письма, часто написанные по-французски, даны все в русском переводе, без приложения оригиналов. Между тем, перевод этот иногда вовсе не адекватен. Например, выражение *homme d'honneur* и *honnete homme* единообразно передаются через „честный человек“. На деле, первое означает „человек чести“, а второе „порядочный человек“. Оба эти нюанса весьма существенны.

Да это бы, и другие мелочи — полбеды. Хуже то, что вся компиляция и особенно комментарии являются (и очень ярко!) собою пушкинистичку вчерашнего дня, большевикскую пушкинистичку, подчиненную цели представить великого поэта таким, какой был нужен коммунистическому строю: ненавистником царей и монархии, убежденным атеистом, преданным до конца дней идеям декабризма, поклонником Радищева — и тому подобное.

Когда тексты пушкинских стихов и прозы явно говорят о совсем другом, Кунин старательно объясняет, что это мол делалось для обмана правительства и представляет собою хитрое зашифрованное иносказание.

Он не задумывается над тем, что превращает Пушкина в лицемера и его произведения в какую-то тарбарщину, предназначенную якобы для узкого круга сообщников, в обман читателей. Молитвы, это мол — использование стереотипов для изложения политических идей; прямые похвалы царям — хитрость, с целью провести за нос власти.

Кунин считает, что он (и стоящий за ним советский режим) лучше понимает Александра Сергеевича, чем понимали его лучшие друзья, духовно к нему близкие и сердечно к нему привязанные как Вяземский и Жуковский.

То, что они о нем говорили, — заметим, уже после его смерти, — есть будто бы ложь, приспособляющая его к воззрениям царя Николая Павловича и его министров. Но зачем же бы было лгать? Самому их покойному другу никакая правда повредить уже не могла, его семье — навряд ли (поскольку царь обещал ее обеспечить, что скрупулезно и выполнил).

А что они говорили? Прочтем (благо сам Кунин воспроизводит!).

Вяземский: „Да Пушкин никоим образом и не был ни либералом, ни сторонником оппозиции, в том смысле, какой обыкновенно прилагается этим словам. Он был глубоко, искренно предан государю, он любил его всем сердцем, осмелюсь сказать, он чувствовал симпатию, настоящие расположение к нему... Его талант, его ум созрели с годами, его последние и, следовательно, лучшие произведения: „Борис Годунов“, „Полтава“, „История Пугачевского бунта“ — монархические“.

Жуковский: „Я уже не один раз слышал и от многих, что Пушкин в государе любил одного Николая, а не русского императора, и что ему для России надобно было совсем иное. Уверю вас напротив, что Пушкин (здесь говорится о том, что он был в последние свои годы) решительно был утвержден в необходимости для России чистого, неограниченного самодержавия, и это не по одной любви к нынешнему го-

сударю, а по своему внутреннему убеждению, основанному на фактах исторических (этому теперь есть и письменное свидетельство в его собственноручном письме к Чаадаеву)“.

Предполагать, что Вяземский и Жуковский притворялись, что они чего-то боялись или кому-то угождали, есть полная нелепость, зная их смелость и независимость в суждениях. Жуковский, в частности, не поколебался ведь обратиться с жестокими упреками по адресу самого Бенкендорфа, — а уж кого иного нужно бы было ему бояться! Не царя, конечно, который его любил почти как члена своего семейства...

Текст Кунина, когда он говорит о себе, испещрен грубыми оскорблениями не только в отношении Николая Первого, но и Александра Первого, а при случае и других императоров. Доходя до полного абсурда, он провозглашает даже, что эпоха Николая Павловича было более жестокой, чем петровская!

Не в укор будь сказано великому преобразователю, в царствование Николая массовых казней как стрелецкие не бывало, на кол не сажали, на допросах не пытали. А если казнили декабристов, — то в любой стране сделали бы то же самое, и еще суровее.

Относительно Радищева — довольно прочесть то, что Пушкин в действительности о нем писал, чтобы видеть фальшивость рассуждений Кунина. А о декабристах, — то, что Пушкин сказал в разъяснениях по делу о стихотворении „Андрей Шенье“.

Компилятор оказывает очень плохую услугу Белинскому (предмету своего горячего почитания), перепечатывая его высказывания о сказках Пушкина, которые тот считал очень слабыми и свидетельствующими об упадке таланта поэта в его последние годы.

Такая точка зрения давно отвергнута, и никто в наши дни с нею не согласится. Отдадим должное Белинскому: он много о Пушкине писал гораздо более верно и умно.

Хочется надеяться, что теперь (несмотря на мрачные тучи, вновь собирающиеся над Россией) такие лживые построения как данная работа отойдут в область прошлого, и изучение встанет на иные пути.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

СРЕДИ КНИГ

ВЫДВИЖЕНКА

Книга Раисы Горбачевой „Я надеюсь“ (Москва, 1991) оставляет довольно-таки отталкивающее впечатление.

О своем детстве она сообщает: „Ходили в школу, на пионерские сборы, потом на комсомольские собрания. Гордились Магниткой, Днепрогэсом, Комсомольском на Амуре, челюскинцами, Валерием Чкаловым, Валентиной Гризодубовой. Восхищались подвигом Александра Матросова, Зоей Космодемьянской, молодогвардейцами“.

Типичный портрет „советского человека“, какого старались вывести на свет большевики!

Подстать был и круг чтения:

„Читали мы все: Панферова — „Бруски“, Шолохова — „Тихий Дон“, „Поднятую целину“, Полевого — „Повесть о настоящем человеке“, Фадеева — „Молодая гвардия“, стихи Симонова“. Из классиков упомянуты только „Анна Каренина“ и „Вечера на хуторе близ Диканьки“. А уж окно на Запад и совсем слабо раскрыто: „Американская трагедия“ Драйзера (он, как известно, ходил в сочувствующих большевизму), „Сбор Парижской Богоматери“ Гюго да два романа Дюма: „Три Мушкетера“ и „Граф Монте Кристо“. Тоже набор того, что полагалось образованцу низшей ступени. Похоже, Раиса при этом запасе литературных сведений и осталась: то, что она упоминает дальше, скорее всего, подсказано журналистом, записывавшим ее воспоминания (сама-то она с этой работой не сумела бы справиться). Кроме, разве что, классиков марксизма и философов, предуказанных в „Кратком курсе истории партии“.

Немудрено, что и примитив-

ный идеал ее воплощался в Чапаеве: „И каждый из нас, разумеется, хотел быть партизаном Чапаева“.

Под эту схему подгонялись и факты. Мать ей будто бы говорила: „Не верь, что процветали крестьяне в прошлом! Тяжкий, беспросветный труд“.

Что же, ведь и интеллигенция трудилась, и все вообще люди. Да труд-то тогда окупался благосостоянием. А вот при большевизме...

„Землю родителям дал Ленин — так всегда говорит моя мама... А затем деда, говорит мама, обвинили в троцкизме, арестовали, и он бесследно исчез“.

Казалось бы, ясно? Но из этого сочинительница выводов не делает!

Вернее, делает, — на свой лад: „Почему я и сегодня так боюсь призывов, раздающихся с разных сторон „искать виновных“...“

Знает кошка, чье мясо съела! Тут налицо то, что именуется „ловкость рук“. Большевики-то уничтожали под маркой „врагов народа“ лучшую часть населения, включая и крестьян. А вот они сами как раз были подлинными, истинными враги народа! Но их трогать нельзя...

Семейная история супруги Горбачева вообще не совсем-то ясна. Например, отчего ее брат стал пьяницей? Но об этом сказано лишь вскользь...

Изучив философию, она читает лекции, в том числе „Историю атеизма и религии“. Можно себе вообразить...

Дальше — сплошная самореклама, себя самой и мужа.

Одно проходит красною нитью через всю книгу: „Откуда эта страсть покрыть грязью памятники истории своего же народа, стремление представить всю 70-летнюю историю советского народа историей сплошных ошибок, преступлений, позора?“

А чем же иным эта история была?!

Поистине, правда глаза колет...

По части выставления себя в нужном свете, Раиса Максимовна охулки на руку не кладет: она себе избрала как нельзя более выгодную роль покровителя детей, августейшей посетительницы детских больниц, яслей, школ...

Отметим напоследок отвратительные советские транскрипции под ее пером иностранных имен: Лучано вместо Лучиано, Джорджия вместо Георгия, Модзелевски (!) вместо Модзелевский.

Забавна похвала Испании, „ставшей на путь демократического развития“. Совсем ведь не на тот путь, мадам Горбачева, по которому вы с вашим муженьком тянули Россию!

С облегчением захопываем шикарно изданный том...

ГУМИЛЕВ, САБЛИ, МОНСТР

В течение прошедшего года в России были опубликованы три интересные книги:

1. Книга Л. Н. Гумилева, „Русь и Россия“ заслуживает особенное внимание своей трактовкой русской истории, изложенной с позиции этнологической теории автора.

Историк и географ Л. Н. Гумилев объясняет историческую судьбу нашей страны. Он преподносит читателю описание русской истории на основании своей теории этногенеза.

Особенно детально описана история монгольского ханства. Книга читается очень легко.

2. Замечательна книга „Сабли остры, кони быстры“ Аллы Бегуновой. Автор говорит о применении лошадей для военных целей с давних времен до сего дня. Вкратце автор касается коннозаводства и улучшения породы лошадей. Говорится также о военных колесках, седлах и т. д. Книга снабжена прекрасными образами русской конницы. Описывается история полков гусар, кирасир, драгун, казачьих войск, обмундирование офицеров и рядовых. Представлены фотографии седел, сабель, шашек.

Книга вся пестрит картинками из жизни конницы. Есть также и наброски поз и положений при муштре.

3. „Вожди. Ленин“ (два тома). В этой книге ныне покойного Дмитрия Волкогонова описаны деяния видных большевиков и меньшевиков и их взаимоотношения.

Если кто-нибудь еще сомневается в том, что Ленин был монстром, пусть прочитает эту книгу.

Автор документально, на основании архивных, секретных документов говорит о том как беспощадно Ленин расправлялся даже со своими сотрудниками и единомышленниками, если они порою не соглашались с ним. Он попросту приказывал уничтожать всех и вся. Также посылал русское богатство в разные страны для финансирования коммунистических ячеек.

Проф. Н. В. Федоров

Савва Юрченко

ЛЮДМИЛА ФОСТЕР

«ВОЕННОПЛЕННЫЕ»

На Поклонной горе в Москве с 1-го декабря по 1-е марта проходила уникальная в своем роде выставка — «Военнопленные». Второй Мировой войны, советские — в Германии, немецкие — в Советском Союзе. Мне посчастливилось на ней побывать и поэтому, как уже повелось среди тех кто едет в Россию, хочу поделиться своими впечатлениями.

На мой взгляд, эта выставка уникальна тем, что посвящена людям, а не возвышенным идеям или историческим событиям. Кроме того, она объективна и правдива (за одним важным исключением, о котором ниже). Может быть эти качества она приобрела от того, что составлена совместно российской и немецкой стороной, по инициативе немцев? С мая до середины октября выставка демонстрировалась в Бонне. Ее составили, подобрав экспонаты, и оформили научные сотрудники российских и немецких музеев, архивов, историки. Есть там и бывшие «участники событий».

Выставка состоит из фотографий с краткими пояснениями, стеллажей с комментариями, и вещественных экспонатов — тут и одежда, и предметы лагерного быта, и нехитрые поделки из самых различных материалов, картины, шахматы, вилки/ложки, деревянные фигурки и прочие вещицы, которые пленные в обеих странах обменивали на хлеб. В нескольких местах выставки стоят электронные аппараты, нечто вроде небольших телевизоров, на которых можно вызывать либо немецкого, либо русского пожилого человека, который сначала рассказывает о своих мытарствах, а затем можно нажать кнопки с вопросами и услышать его ответы. Люди, которых мы видим на экспонатах выставки, составляют три основных категории, безымянные (самая большая категория), индивидуально названные рядовые солдаты и офицеры, и исторические лица.

Все экспонаты выстроены хронологически и совершенно параллельно — вот слева в плен попадают немцы, вот справа — советские. (Интересно отметить, что советские солдаты с поднятыми руками радостно улыбаются). Далее — не-

мецкие женщины бегут из-под бомбежки неся детей, по другую сторону — советские женщины несут детей, старики тащат какой-то скарб. Затем — транзитный лагерь под открытым небом, окруженный проволокой и охраной — слева немцы, справа — красноармейцы. А вот теплушки, поезда перевозят пленных в тыл. Более или менее похожие бараки по ту и другую сторону, пленные на работах, хлеблют что-то из котелков, после работы мастерт какие-то предметы, и т. д. Эта параллель судеб людей — хотя и бывших врагов — поражает и оставляет очень сильное впечатление.

Однако, к концу выставки параллель становится обратной, те же самые места становятся противоположными, те же самые информационные гнезда (как сказали бы семиотики) заполнены противоположной информацией. Вот, слева «подходящих» немцев обрабатывают политруки, в тексте сообщается, что советские инструкторы подготавливают будущие коммунистические кадры послевоенной Германии. Вот — генерал фон Паулюс, попавший в плен под Сталинградом, сотрудничает с советскими властями. А справа — генерал Андрей Власов в немецких лагерях призывает красноармейцев бороться, как сказано, «против Сталина и коммунистов». За кадром остается заметка, что Власов отличился, как защитник Москвы и пояснение, что многие пленные красноармейцы шли к нему во-первых, потому что почти в каждой семье были репрессированные или так или иначе пострадавшие от советской власти и они вовсе не хотели ее защищать, а во-вторых, потому что очень уж плохо было россиянам в немецких лагерях — официально более трех миллионов не выжили от голода, болезней, медицинских экспериментов и прочих «благ». Ведь они были самыми бесправными, самыми беззащитными людьми наравне с европейским еврейством, даже хуже потому что у евреев тогда еще не было своего государства, а советское правительство отказалось от своих пленных.

Но, несмотря на эти пробелы, объективность последней фазы выставки ме-

ня лично обрадовала, так как именно этот момент войны советская историография всегда замалчивала, а нынешняя относится к нему неоднозначно. (Даже такой правдоискатель истории, как скончавшийся на второй день после выставки генерал Дмитрий Волгонов, на мои вопросы о Власове и РОА отвечал уклончиво).

Здесь уместно вернуться к моей главной критике выставк — в самом ее начале, на стеллаже у входа, в программной надписи, которая как бы задает тон всей выставке, написано, что Постановление о военнопленных, вышедшее в июле 1941 года, «в общем и целом учитывает положения Женевской конвенции». Это — ложь. Женевская конвенция, наоборот, предусматривает гуманное отношение к военнопленным, в особенности к раненым, запрещается посылать их на принудительные работы, а если они работают, то им следует платить, предписывается их содержать на таком же уровне, как и своих солдат и офицеров, сообщать их имена Красному Кресту, передавать им почту из дома и т. д. А главное — передавать определенные суммы денег Международному Красному Кресту на их содержание. Так, например, поступали Соединенные Штаты по отношению к своим военнопленным в Германии.

Кстати, журнал Смитсоновского музея поместил в номере за июнь 1995 года статью о судьбах немецких военнопленных в Америке. Женевская конвенция соблюдалась здесь настолько строго, что, например, когда в одном из лагерей не все бараки были готовы, то американские охранники спали на дворе в палатках, предоставив военнопленным кровати в зданиях! Воздержусь от комментариев, можете себе представить, почему так много немцев попросили американское гражданство и остались здесь после войны. К сожалению в этой статье также опущен один интересный момент — судьбы пленных россиян, попавших в Америку из немецкой армии. Их насильственно репатриировали после войны также и отсюда, а были и такие, кто покончили с собой, не желая возвращаться «на родину».

Возвращаясь к Женевской конвенции хотелось бы задать риторическим вопросом, почему Сталин и советское ру-

ководство наотрез отказались примкнуть к этому международному закону, принятому всеми цивилизованными странами? Была ли это жадность — внести нужно было бы довольно крупные суммы (ведь российских пленных было около семи миллионов), было ли это полное безразличие к судьбам своих граждан, с оружием в руках защищавших свою страну, а может быть и ненависть к соглашению, впервые выдвинутому российским царем, Николаем II, еще во время Гаагской конвенции в 1907 году?

Правда, конец выставки противоречит изначальному заявлению об «учитывании Женевской конвенции». Там показано возвращение домой после окончания войны — слева, у немцев, радостные встречи с родными и друзьями, цветы, оркестры, улыбки, а справа — вновь в теплушках, по дороге в Сибирь. И тут уже сказано о Приказе 270, о том, что каждый, кто был в плену считается изменником родины. Упоминается также, что целый ряд российских генералов Русской Освободительной Армии и казаков были расстреляны. Не говорится, однако, что некоторые из них, как генералы Шкуро, Соломахин, Султан-Гирей, Петр Краснов, два его двоюродных брата, Семен и Николай, и племянник Николай никогда не были советскими гражданами, а жили в эмиграции. (Николай Краснов младший провел десять лет в лагерях, затем его выпустили на Запад и он написал книгу воспоминаний «Незабываемое»). Не упоминается также и о недоброй памяти насильственной репатриации красноармейцев союзниками, без различия на то, были ли они в РОА или продолжали оставаться в немецких лагерях для военнопленных.

Тем не менее, несмотря на эти пробы, выставка «Военнопленные» на Поклонной горе в Москве является важной вехой в российской историографии — и главные ее достоинства, на мой взгляд, ее объективность и параллель в судьбах миллионов людей. Следует только надеяться, что за этой выставкой последуют другие, более подробные — ведь жители бывшего Советского Союза столько лет не имели возможности узнать правду о своей собственной стране.

ЛЮДМИЛА ФОСТЕР

ПИСЬМА ИЗ РОССИИ

«СУВОРОВЦЫ» И КРАСНОТА

У меня сложилось впечатление, что иные деятели Русского Зарубежья настолько устали от жизни, что хотели бы, чтобы их оставили в покое. Соответственно всякая инициатива рассматривается как покушение на привычный образ жизни и вызывает инстинктивное отторжение. Что-то менять, бросаться кому-то помогать, во что-то ввязываться...

Заседания проводить, просмотры — другое дело. Да еще надеяться, что общаясь с «солидными людьми», они могут на что-то повлиять. Эта последняя черта мне хорошо известна. Мол, вы кто такие... а то — генерал! Хотя генералы рядовые (с каковыми они из суворовцев общаются) ничего ровным счетом у нас не значат и ни на кого повлиять не могут.

Да один Я. Бремзис, руководитель организации «Добровольческий Корпус», без усталости бегающий по редакциям всех возможных газет и проталкивающий свою информацию, оказывает на события большее влияние, чем все суворовцы вместе взятые. С осквернением памятника воинам в ограде московской церкви «Всех Святых» он такой скандал поднял, что виновников чуть не на уши поставил — патриарх Алексей схватился за голову — послал епископа их умиротворять, а мерзавца «священника» Малевича, уничтожившего памятник, с прихода сняли.

Но чтобы «суворовские» генералы посмели хоть слово вякнуть «большим» генералам в пользу обращения к российским и забвения советских традиций — да никогда в жизни!

Приезжал тут Игорь Иванов из Санкт Петербурга, коего В. В. Грани-

тов назначил начальником отдела РОВСа в этом городе, — говорит все то же самое.

Ну что они, суворовцы, сделали для уменьшения красноты в армии?

Это ведь люди из нашей, «белогвардейской» среды, попавшие во всякие комиссии по символике и геральдике пробивали изменения в них. Но чтобы кто-то из самих военных поднял руку на звезду и красное знамя...

Н. Греков (Москва)

СОЗДАТЕЛЬ ФИКЦИЙ

«Русская Жизнь» опубликовала смешную статью М. Назарова о «перевороте» в «Державе» Руцкого. Кто, интересно, протезирует Назарову в «Русской Жизни»? «Держава» всегда была тем, чем была, и Руцкой после 93-го года нигде от своих позиций («коммуно-патриотических») не отходил. Аксютчицы, астафьевы и тому подобные, ища куда бы пристроиться (до того Астафьев с Нарчицкой пытались разработать идеологию для Зюганова), решили поставить на Руцкого. Через Аксютчица туда попал и Назаров. Руцкой их при себе некоторое время держал (причем, они страшно ревновали его к возможным конкурентам), но говорить о каком-то их влиянии просто смешно.

Ничего за душой у них не было, никаких «православно-монархических организаций» (называть так РХДД и кадетскую партию вообще нелепо — они создали в свое время «Демросию»), и вообще никаких организаций (кроме как на бумаге).

Эта четверка «заместителей» кроме как славословить Руцкого (объявляя его главным патриотом и «последователем Ильина») ничего и не могла. Какое там «православное крыло»... Да к тому же (в чем Душенов совершенно прав) это еще и действительно бездельники. Поэтому Руцкой, резонно посчитав, что по части православия

Душенов куда более авторитетная фигура, чем бывшие НТС-овцы, как Назаров, «кадеты» и «христианские демократы», а по части патриотизма Казинцев из «Нашего Современника» несравненно весомее — просто напросто их выгнал за ненужностью («заместителей» не позвали даже на съезд — вообще фактический ход событий в статье Назарова описан достоверно). Так что вовсе не «сами ушли», как пытался утверждать Назаров. То есть, конечно, из «Державы» они сами ушли — но как после такого позора не уйти, что им оставалось делать?

Особенно забавно, что в статье дело изображается так, что изгнанные из «Державы» будто ведут за собой «православно-патриотический электорат». Во-первых, если за кем-то он идет — то как раз за Душеновым и такими как Казинцев, то есть в данном случае Руцкой олицетворял «своего» кандидата для публики, ориентирующейся на «Нашего Современника» и тому подобных изданиях, так как аксютчицы, астафьевы не только не пользуются в «патриотических» кругах каким-либо авторитетом, но, наоборот — презрением как демократические перебежчики. Так что избавившись от них Руцкой в смысле электората ничего не потерял.

Но во-вторых, это претворилось, наконец-то, и обнаружилось. Этот электорат проголосовал за Руцкого — и набралось-то его всего ничего. Но «Держава», хоть какая-никакая, но политическая организация, способная хотя бы выйти на выборы, тогда как перечисляемые в статье «известные православно-патриотические организации» — фикция, мыльный пузырь, они без помощи коммунистов и подписи-то собрать никогда не смогут. Назарову, понятное дело, стыдно — вот он и пишет о какой-то «метаморфозе» Руцкого. Но тот как был достаточно красным всегда (и уже с 93 года — очень сильно, возглавив красный Верховный Совет), так и остался, и уж во всяком случае ничуть не по-

краснел в течение 95-го. Просто заметил назаровскую компанию на более выгодных ему людей — вот и вся «метаморфоза».

Вообще, что там за люди в «Русской Жизни» — ну именно что «без царя в голове!» То Назарова печатают, то помещают перепечатки из «Известий» — флагмана «демократии», то как-то видел даже В. Белоцерковский — вот уж, кажется, более злобного русофоба не найти... Никогда не видел газеты более странной.

Судя по «Литературной России» Назаров попал в «писатели». Ну, тут ему самое место. «Союз писателей России» — олицетворение национал-большевизма. (Помните замечательную вещь — присуждение литературной премии Шолохова Фиделю Кастро? Я еще хотел тогда позабавиться печатно на тему «Что тут лишнее?»: так тестируют на умственную полноценность, предлагая выбрать из группы предметов — чужеродные — «русские писатели», «Ф. Кастрэ», «премия Шолохова», в том духе, что это такие «русские писатели», которые здесь совершенно на месте — и Шолохов и Кастро им вполне под стать).

Сам Назаров, однако, в «ЛР» пытается отмыться от недавних постулатов — вот так-то, когда «мордой об стол» приложили — на пользу идет. Даже, смотрую, отрицает главный тезис, в чем он обвинял эмиграцию: «целились в коммунизм, попали в Россию». Ну это хорошо, что он это в той среде пишет. Плохо, когда будет на этом основании («смотрите — вот я чего пишу, а они ничего — печатают») вновь убеждать эмиграцию в том, что национал-большевики «перевоспитались». Говорят, что в «Союзе писателей» Назаров вроде как «начальник над эмиграцией» и создает впечатление, что, эмигрантские авторы — в сфере его влияния — он якобы их приглашает, публикует, протезирует им в России.

С. Владимиров (Москва)

ПЕЧАТЬ

ПСЕВДОНАУЧНАЯ БОЛТОВНЯ

Статья Ю. Воробьевского „Посланцы Сатаны“, в „Новом Русском Слове“ от 15 декабря 1995 года, есть образец грубого научного шарлатанства. Оно еще хуже, если автор, типичный „образованец“ нашего времени, сам верит в чепуху, которую проповедует!

Крестовые походы он объясняет... гипнозом. Даже марксисты, при всей вульгарности их исторических схем, понимали, что речь идет о сложном явлении, связанном с убеждениями и воззрениями Средневековья и, в какой-то степени, с материальными и экономическими соображениями.

Вовсе отвратительно, когда сочинитель статьи приравнивает молитву к самогипнозу, а православное духовенство к магам; что дает ему повод к глубокомысленным рассуждениям о возможности их использования нынешним правительственным режимом в России.

Грустное явление — общий упадок культурного уровня газеты, которая прежде стояла на гораздо более высоком.

ЗАГАДКА ИМЕН

В том же номере перепечатана статья „г-на Минцлова“, как тут именуют известного писателя С. Р. Минцлова, старого эмигранта, жившего в Прибалтике, „Власть имен“, о которой мы когда-то уже давно писали в „Нашей Стране“.

Ко списку выдающихся людей с теми или иными именами надо бы теперь многие прибавить: к перечислению Николаев — Гумилева, Александров — Блока, а равно и Солженицына, Владимирова — Солоухина. А из имен, не давших по его оценке, выдающихся людей Сергея Есенина, и Бориса Пастернака, не говоря уж о других.

СОХРАНИВШИЕ ВЕРНОСТЬ

У Беранже есть стихи, вкладышаемые им в уста наполеоновских гренадеров:

И если правды нет на свете
То мы хоть верность сохраним.
Куда наш вождь судьбой гоним,
Туда и мы. За ним! За ним!

Грустно признать, что за нашим последним Государем и его Семей последовали очень немногие. Тем дороже нам память тех, кто остался с ним до конца и разделил его участь.

Вот почему весьма интересна статья И. Степановой в „Русской Мысли“ от 15 февраля с. г. под заголовком „Очень бы хотелось посмотреть на вас всех...“

Приведем оттуда первый параграф:

„Все началось с обычного телефонного звонка. Немного настороженный женский голос: „Простите, вы писали о ходе следствия по делу об убийстве Царской Семьи... А как собираются хоронить останки расстрелянных вместе с ними слуг? Меня это интересует, потому что комнатная девушка Романовых Анна Демидова — наша родственница“.

Думаем, что хоронить надо с почетом! Речь о тех, кто показал пример преданности и самопожертвования всей России!

И это грустно, что мы о них знаем так мало. Как констатирует Степанова: „Об Анне Демидовой почти ничего не известно“.

То есть, так обстояло до сих пор.

Теперь вот позвонившая Степановой женщина, Наталья Алексеева кое-что уточнила.

Демидова, оказывается, была родом из Череповца, дочь мещанина, члена городской думы.

Мы себе представляли (по крайней мере, я представлял) будто речь идет о простой женщине из народа, возможно и неграмотной. На самом деле, она с отличием окончила гимназию, затем училась в институте благородных девиц; ее брат был офицером.

Ее сохранившиеся письма к родным написаны рукой вполне

интеллигентного человека.

Приложенная к статье фотография дает и понятие об ее внешности.

Теперь ее родственники, — потомки ее сестры Елизаветы, муж которой, Федор Ютин, погиб при большевиках в концлагере.

Возможно, позднее выяснятся и другие подробности о Демидовой. И, хотелось бы надеяться, об остальных ее товарищах по несчастью!

Из них мы ведь располагаем кое-какими сведениями только о докторе Боткине.

ОНЕГИН — РАЗБОЙНИК

Из статьи В. Баевского в № 1 „ежеквартальника русской филологии и культуры“ носящего прихотливое название „R. S.“ (расшифровывающееся как „Russian Studies“), издаваемого в Петербурге, мы узнаем, что недавно скончавшийся подсоветский литературовед Ю. Лотман считал, будто „в течение трех лет между дуэлью с Ленским и появлением в Петербурге Онегин предводительствовал на Волге шайкой разбойников“.

В пользу чего приводил он такие аргументы:

„Дворянин-разбойник и предводитель разбойников был привлекательной для Пушкина-романиста фигурой (Дубровский, Швабрин). Во сне Татьяны Онегин видится как предводитель шайки нечистых“.

Не удивительно, что сам Баевский, услышав эту гипотезу „онемел от изумления“!

В самом деле, подобное истолкование „хода мыслей Пушкина“ (как выражался Лотман) надо признать крайне оригинальным! И вряд ли возможно найти его достаточно мотивированным.

„РОЯЛИСТЫ“

„Русская Мысль“ не перестает нас удивлять.

В том числе и номер от 15 февраля с. г.

Северноирландских протестантов, воюющих против католиков, принято называть **оранжистами**, иногда называют их **лоялистами**, в смысле их преданности Англии. Но **роялистами** их никто и никогда не называл! Это — совсем из другой оперы. Однако, „Русская Мысль“ их именует именно так (да еще и в передовице...).

МИФЫ О ДУЭЛИ ДВУХ ПОЭТОВ

В том же номере Л. Барон, в статье „И снова на Черной речке“ заново рассказывает историю Черубины де Габриак, эмигрантскому читателю хорошо известную, и связанной с нею дуэли между Гумилевым и Волошиным.

Но рассказывает, к сожалению, неверно, резко расходясь с сообщениями современников.

Не соответствует действительности, будто Гумилев не знал, что стихи, печатавшиеся под именем Черубины де Габриак, на самом деле принадлежали перу Е. Васильевой. Он это знал, а с Васильевой был давно знаком, и у них были сложные отношения (он даже когда-то, до брака с Ахматовой, делал ей предложение). Именно его отрицательный отзыв о Васильевой вызвал ярость Волошина.

Неправильно и то, будто Гумилев стрелял в воздух и что он „не желал вреда Волошину“. Ввиду тяжести нанесенного ему оскорбления подобное поведение с его стороны начисто исключается. Он, напротив, хотел продолжения поединка; но секунданты тому воспротивились.

Никакого его примирения с Волошиным тоже отнюдь не последовало.

Добавим еще, что о правилах дуэли и, в частности, о дуэли Онегина с Ленским, Л. Барон опять-таки говорит нечто странное. Но углубляться не станем, за недостатком места.

В. Р.

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ИМПЕРЦЫ И ЗЮГАНОВ

В связи с появлением в газете „Русская Жизнь“ (Сан Франциско) от 13-го февраля с. г. сообщения Итар-ТАСС о том, что якобы Российский Имперский Союз-Орден принял участие в съезде в Санкт Петербурге, на котором в кандидаты на пост президента России был выставлен лидер компартии РФ Г. Зюганов, я считаю своим долгом заявить, что напечатанное лишено всякой логики и не соответствует действительности. Организация как РИС-О, существующая более 60 лет, с самого начала ставившая главной целью своей деятельности борьбу с коммунизмом, не будет себя порочить сотрудничая в какой-либо форме с теми, или даже попутчиками тех, кто более 70 лет глумился над русским народом.

Считаю, что версии такого содержания передаются прессе умышленно, чтобы осквернить в глазах общественности Российский Имперский Союз-Орден, имя ко-

торого ставить совместно с коммунистической партией просто недопустимо. Эта ложная информация вызывает полное возмущение у членов нашей организации.

Г. А. Федоров (США)
Начальник Российского
Имперского Союза-Ордена

ПРАВДА ПРОБЬЕТСЯ

Какая гнусная история с судом над графом Толстым-Милославским! Прислали мне судебный акт. Англичане хотят во вто бы то ни стало придушить известия о своем старом преступлении в Ливенце; но будет тем хуже для них — правда, в конце концов, станет общеизвестной; да ведь уже и стала. Как это было и с Катенью.

Г. Криваго (Италия)

ИЕРАРХИ В КИТАЕ

Весьма признателен за оказанную редакцией „Нашей Страны“

милость — напечатание нашего обращения (см. № 2358). Благодаря вам, постоянно на наш адрес в Джорданвилльский Св. Троицкий монастырь поступают сведения от ваших читателей о великих иерархах Русской Церкви, в Китае подвизавшихся.

Храни Вас Бог!

Диакон Серафим Ган (США)

ВЕРСИЯ ОБ УБИЙСТВЕ

В убийство Есенина, о котором недавно писала „правая“ пресса в России, я никак не верю, и не советую эту версию как-либо поддерживать. Не верю по причинам психологическим и политическим. Большевикам это было не нужно и не выгодно. А понять причину его самоубийства легко.

Главное, большевики-то все равно виноваты: они его довели до смерти. Это — часть их преступления по отношению к крестьянству.

А что до документов... Почему-то медицинские акты всегда оказываются путанными и сумбурными. Взять хотя бы историю с Чайковским. Да и наши писатели,

— читаешь биографии, и остается непонятным от чего они умерли...

Почему в „Англетере“ Есенина не записали, — возможно просто по бестолочи. А после его смерти — и подавно... Боялись скандала, хотели поскорее про это забыть.

Виктор Штреллер (Греция)

БЕЗ УЧАСТИЯ В БОРЬБЕ

С тревогой смотрим на происходящее в России. Мы побывали там прошлым летом 5 недель; из них 3 на теплоходе с паломничеством от Москвы до Урала. Почувствовали российскую глубину.

Там в Церкви идет большая активная борьба с модернизмом и экуменизмом, но мы, из Зарубежной Церкви, в этой борьбе не участвуем, так как не общаемся с ними.

А Парижская Мелкополия во всю поддерживает модернистов Кочеткова, Борисова, митрополита Кирилла Смоленского и иже с ними. Их влияние в Церкви непропорционально их числу.

Прот. Роман Лукьянов (США)

АРХИЕПИСКОП СЕРАФИМ БРЮССЕЛЬСКИЙ И ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ

Я ВЕНЧАЛ И ХОРОНИЛ ДЖЕЙМСА БОНДА

Хочу откликнуться на статью Н. Казанцева: стакан шампанского врагу Джеймса Бонда! (См. "Наша Страна" № 2368).

Сообщу сперва, что я и по французской прессе был осведомлен о том, что последний из серии фильмов Бонда — самый политический по содержанию. В частности об этом писала газета "Présent" (ее адрес: 5, rue d'Amboise, 75002, Paris). По словам сотрудницы этого органа печати Каролины Пармантье, «что касается злодея фильма, ужасающего "Януса", невозможно не испытывать к нему симпатии и сочувствия: сын лиенцевского казака, выданного в 1945 году англичанами по приказу Черчилля на расправу Сталину, он сохранил смертельную ненависть к Англии, с которой он надеется, 50 лет спустя, рассчитаться».

Пармантье далее отметила, что «в то время тысячи русских, предостереженных большевиками, предпочли организовать массовые самоубийства, причем главы семейств казнили собственноручно своих жен и детей, только чтоб избавиться от сталинских пыток. Благодаря последнему Джеймсу Бонду этот исторический факт, о котором ничего никогда не было слышно, выплыл на поверхность. Этим последним куплетом, ясно антикоммунистическим, фильм завоевал наше полное сочувствие».

Другой сотрудник той же газеты, говоря о злодее фильма Алеке, по прозвищу «Янус», бывшем агенте 006, представленном как «лиенцевский казак» написал, что «средний зритель поймет, что ему преподнесут сюжет, который — за исключением «Ветра с Востока», фильма о генерале Хольмстоне — никогда не был использован в кино. На самом деле Алек не является «лиенцевским казаком», а сыном одного из тех десятков тысяч антикоммунистических бойцов, которые были выданы (в Лиенце, Австрии, но не только там) Сталину, который их ис-

требил. А кем были выданы эти несчастные? Англичанами главным образом (с ведома и согласия подлого Черчилля), но тоже американцами и французами».

Сославшись на книгу лорда Н. Бетелла «Последняя тайна», автор статьи затем подчеркнул, что Алек «видел как его родители отправлялись на смерть, как британские солдаты ударами палок и штыков загоняли их в руки советских палачей. Поэтому он хочет отомстить Лондону, хочет заставить англичан заплатить «50-летний долг», как он говорит, с процентами».

Разумеется, газета "Présent" нашего направления, почему и одинаковые мысли. Другие газеты так щедро не будут разглаживать и будут не за врага Бонда пить шампанское.

Прочитав статью Н. Казанцева, я написал Хельге Махне, «бургермейстерше» Лиенца. Я всегда ей говорил, что хочет она того или нет, но теперь ее город известен на весь мир. А после этого бондовского

фильма и подавно. Правда я тоже написал, что месть — не христианское чувство, но что можно мстить смотря эту кинокартину и ее рекламу.

Прилагаю фотографию где она стоит по мою левую руку, возле прототипа Льва Лебедева, в день 50-летия выдачи. На ее темном костюме выделяется значек-крест «Лиенц».

А теперь продолжение. Представьте себе, что я венчал Джеймса Бонда, крестил одного из его сыновей и наконец... хоронил Бонда.

Не подумайте, что я сошел с ума. Дело объясняется очень просто. Писатель Ян Флеминг не выдумал своего героя, а списал его с натуры. Есть мнение, что Достоевский взял как прототип для своего Алеши Карамазова подростка, будущего митрополита Антония Храповицкого. Так вот, Флеминг познакомился с настоящим агентом, реально существовавшим: его звали Душко Попов. Он был сербом, у них Душко самое обычное имя. Попов был

тайным агентом англичан во время Второй Мировой войны и с ним стряслось множество приключений, хотя они были и посложнее бондовских. Он и рассказывал Флемингу свои похождения.

Причем эти приключения не были плодом фантазии Попова. По крайней мере в двух книгах о тайнах этой войны я встречал его имя. Это был двойной агент. Англичане послали его в оккупированную часть Европы и он инфильтрировался в немецкую разведку. Он был действительно агентом, но конечно не ахти каким главным.

Этот Душко Попов после войны жил недалеко от Канн, где я священствовал на протяжении 25 лет. Он вошел в контакт со мной, когда собирался жениться вторым браком на молодой шведке. У меня имеется фотография как я их венчаю. Я сам тогда молодой еще был! Шведка оказалась прекрасной женой, родила ему двух сыновей. Одного я крестил, другой был крещен в Югославии. Я часто у них бывал. Однажды меня вызвали — Душко умер. Он был намного старше второй жены; от первого брака у него был уже взрослый сын, я его тоже знал, но он пошел по плохой дороге: опустился.

Года четыре назад мне звонила невеста одного из сыновей Душки, спрашивала насчет нужных документов для свадьбы.

И только потом вышла книга — уже посмертно — этого Душки Попова, что позволило всем газетам писать: Джеймс Бонд действительно существовал, вот он!

Правда физически он был не ахти какой сердечный. Но Бондом он был подлинным. У меня есть и фотографии, и вырезки из французских газет, и прочие доказательства этого. Когда я молодым говорю, что венчал и хоронил Джеймса Бонда, они переходят от удивления в восторг.

АРХИЕПИСКОП СЕРАФИМ

БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Комарова. „Книга любви и гнева“ (Париж, 1994).

Как бы история всего диссидентства вкратце... И в то же время история одной женской души и история одной супружеской пары.

Автор рассказывает, как из убежденной комсомолки (простим ей наивный энтузиазм!) она превратилась в противницу советской власти, поняв ее нелепость и чудовищную жестокость.

Жаль, что на ее распутье не встретились более подходящие наставники! Она решает принять за руководительниц двух старых украинских эсерок. Но ведь если бы эсеры в свое время восторжествовали, — маловероятно, чтобы они построили общество лучше большевицкого.

Впрочем, эсеровская программа, пожалуй, и не сыграла большой роли в идеологии ее самой и ее мужа, В. Некипелова. И тут опять мы следим за их дальнейшей борьбой с сочувствием, но и разочарованием.

Как можно было выступать против правительства во имя... советской конституции? То есть, во имя правил, установленных теми же бандитами и в их собственных интересах!

Конечно, с точки зрения практической, стратегической, оно, может быть, являлось и разумным; но с точки зрения политической, идеологической — глубоко фаль-

шивым.

Возможно, что позже они подобные взгляды и переросли.

Но какие у них ближайшие друзья! Плюц, Любарский, Боннэр... люди, как мы знаем, позже проявившие весьма и весьма отрицательные свойства...

Немудрено, что в один прекрасный день Комарова с изумлением понимает, что, например, украинские самостийники ненавидят всех русских, в том числе и самых что ни на есть левых и либеральных.

Итак, мужество, стойкость, благородство, — но разумно ли на-

правленные? Нельзя даже сказать, чтобы бесполезные, — они расшатывали Систему (пишем это слово, как и автор книги, с большой буквы). Но ради каких целей, каких идеалов?

Следует рассказ об арестах Некипелова и его страданиях в тюрьме и в концлагере, в конце концов непоправимо подорвавших его здоровье. И, в особенности, о мучениях его жены и двоих детей: об отказах в свидании, трудностях с посылками и перепиской, о попытках чекистов принудить инакомыслящего ко сдаче, к отказу от своих убеждений, вовлекая в

это дело и его жену.

Чудовищность коммунистической пенитенциарной системы показана здесь сполна и в полный рост. И тем ценнее, что с непривычкой для нас стороны: не столько рассказ о жизни заключенного, сколько о переживаниях и лишениях его близких.

Некипелов все же видимо понял до дна отвратительность большевизма и недопустимость никаких с ним сделок и компромиссов: выйдя из лагеря (отбыв целиком свой срок!), он сразу стал хлопотать о выезде за границу, со всей семьей, добился разрешения, добрался до Парижа, — и через два года умер там от последствий ненормального существования много лет на „архипелаге Гулаг“.

Грустно, что такие люди, готовые жертвовать собой за идею, не имели правильной идеи. Но вот и теперь, монархисты, — которых, безусловно, большевики больше всего боялись и ненавидели, — не могут поднять по настоящему голову и развернуть свою работу в России.

А родина нуждается именно в них!

Только они могут ее спасти.

Язык книги, в общем, неплох, хотя встречаются досадные промахи. Отметим многократное повторение конструкций типа: жизнь в Камешково, отъезд из Алабушево, — как будто речь об испанских или итальянских, а не о чисто русских названиях!

Владимир Рудинский

РОЗЫСКИ

Проживавшую с родителями от 1924 по 1942 год в Новом Саду Наталию Михайловну урожденную Пирадову (1921 года рождения в Сараеве) разыскивают по важному делу — возвращение ей дома, конфискованного в 1945 году.

Обращаться: Aleksej Arsenjev, Radnička 41, 21000 Novi Sad, Yugoslavia.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ СБОРНИК СТИХОВ

поэтов Донского Казачьего Зарубежья. На 142-х страницах этой книги напечатаны произведения 44-х авторов. Сборник можно приобрести у К. Н. Хоульникова, Россия 344101, г. Ростов на Дону, пер. Ставского 50, кв. 7.

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ И. Л. СОЛОНЕВИЧА

В Фонд издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича поступили следующие суммы, за которые редакция приносит сердечную благодарность:

от Е. Бодри (Зверевой) — 200.- фр. франков, от М. А. Гершельман — 52.- песо, от В. Ивановой — 50.- ам. долл., от Г. Шидловского — 23.- ам. долл., от о. Николая Неклюдова — 200.- ам. долл., от М. Стенина — 8.- ам. долл.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

БОНД И ТОЛСТОЙ

Нам пишут из Вашингтона:

Стараниями журналистки и литературоведа Людмилы Фостер Конгресс Русских Американцев устроил в здании Международного Клуба этого города выступление графа Н. Д. Толстого-Милославского.

На разосланных КРА приглашениях эпиграфом служила фраза Джеймса Бонда из фильма „Золотой глаз“, о насильственной выдаче англичанами коммунистам русских, югославских и других военнопленных после Второй Мировой войны: „Это не был наш звездный час“.

В приглашениях КРА сообщал, что Н. Д. Толстой написал четыре документальных труда об этих событиях — последнем „белом пятне“ истории XX века, и призывал ознакомиться с последними находками историка, обнаруженными в недавно открытых военных архивах Англии и России.

После выступления, Н. Д. Толстой отвечал на вопросы и подписывал экземпляры своих книг.

ЦЕНзуРА НА БОНДА

Нам пишут из Москвы:

Газета „Московские Новости“ поместила рецензию на фильм „Золотой глаз“ — первое легальное появление в нашей стране знаменитого агента 007, Джеймса Бонда, в которой сообщается, что „не совсем канонический сюжет вырисовывающийся за фигурой бывшего агента Алекса, ускользнул в русском дубляже фильма“.

Об этом сюжете газета написала следующее: „Объясняя свою ненависть к Великобритании, сын белоказака в запальчивости говорит: „Эта страна предала нас“, видимо, имея в виду секретные соглашения между Черчиллем и Сталиным, достигнутые на Ялтинской конференции, о выдаче пленных белоказачков. Все они прямоком направлялись в Сибирь и уничтожались. В ответ на тираду Алекса Джеймс Бонд спокойно отвечает: „Да, наша страна была тогда не на высоте“.

По мнению рецензента, Елены Веселой, „русские переводчики сочли этот сюжет незначительным и убрали его за ненадобностью. Может и правильно. Фильм-то не об этом!“

В московских антикоммунистических кругах, однако, эти купюры были восприняты как проявление цензуры, инспирируемое властями, не желающими предавать огласке совместное преступление английских демократов и советских коммунистов.

ОЛЕГ ВОЛКОВ

Нам пишут из Москвы:

Здесь в день Новомучеников Российских на 97-м году жизни скончался выдающийся русский

писатель Олег Васильевич Волков, родившийся в Петербурге и там же окончивший Тенишевское училище. Зимой 1918 года юнкер Волков с группой добровольцев прорывается на Дон, а затем на Кубань. После смерти генерала Л. Г. Корнилова, невзирая на ранение, принимает участие в попытке освободить Царскую Семью. Произведенному в офицеры Волкову не удается уйти за рубеж с генералом Врангелем.

В 1922 году его принимают переводчиком в миссию Нансена. С лета 1924 года он работает под началом греческого посла в Москве. В 1928 году Олега Волкова арестовывает ГПУ. В жизни писателя начался 27-летний каторжный период. В 1957 году был полностью реабилитирован.

Монархист по убеждениям, он был автором книг „Последний мелкотравчатый“, „Клад Кудеяра“, „Родная моя Россия“, „Чур заповедано“, „Все в ответе“ и других. Главная его автобиографическая книга „Погружение во тьму“ была издана в 1989 году Товариществом Русских Художников. В 1994 году в издательстве „Энциклопедия российских деревень“ вышел первый из трех томов его произведения „Два столбных града“.

Отпевание состоялось в вагандской церкви Св. Николая.

КНЯЗЬ РЕСПУБЛИКАНЕЦ

Нам пишут из Нью Йорка:

В одной из фешенебельных гостиниц этого города была представлена книга известного писателя Роберта Мэсси „Романовы. Последняя глава“. Докладчиком выступил князь Николай Романович, которого Мэсси совершенно неверно представил аудитории как „главного претендента на российский престол“.

Члены Российского Имперского Союза-Ордена, во время этой „презентации“ раздавали присутствующим, переведенное на английский язык заявление, в котором обличался князь Николай Романович.

После выступления докладчика, когда была предоставлена возможность задавать вопросы, один из имперцев спросил почему вообще князь Николай Романович вдруг заинтересовался русской монархией, когда он сам всюду официально заявляет, что он республиканец, на что последовал совершенно невразумительный ответ.

ПОДТАСОВКА КУНЯЕВА

Нам пишут из Москвы:

К 100-летию со дня рождения Сергея Есенина журнал „Наш Современник“ перепечатал воспоминания о нем из книги „Инженеры душ“ покойной сотрудницы „Нашей Страны“ Лидии Норд.

При этом редакция журнала написала, что эта книга вышла в Нью Йорке, в 1953 году, в издательстве имени Чехова.

На самом же деле книга „Инженеры душ“, вышла не в Нью

Йорке, а в Буэнос Айресе, не в 1953-м, а в 1954-м и не в левом американском издательстве имени Чехова, а в монархическом русском издательстве „Наша Страна“.

По некоторым сведениям такая грубая подтасовка вызвана недоброжелательством редактора „Нашего Современника“ С. Куняева антинационал-большевицкой линией „Нашей Страны“.

В издательстве „Наша Страна“ также вышла в 1958 году книга Лидии Норд „Из блокнота советской журналистки“.

ВЛАСТЬ СОЛЖЕНИЦЫНУ

Нам пишут из Москвы:

„Не поможет ли нам Солженицын обустроить Россию? — задает вопрос еженедельник „Московские Новости“: „Сколько бы мы ни колдовали над известной наизусть политической колодой кандидатов в президенты, скажем прямо: здесь нужен иной уровень, иной масштаб, даже, может быть, другое нравственно-психологическое измерение. И кто, как не Солженицын, олицетворяет его сейчас в России? Ему одному эта миссия — президентство в России — пожалуй, может оказаться по силам“.

ПРАВОСЛАВИЕ В ЭСТОНИИ

Нам пишут из Москвы:

Двадцать третьего февраля 1996 года на литургии, совершавшейся в кафедральном Богоявленском соборе патриарх Алексей Второй не возласил имени главы Константинопольской Православной Церкви патриарха Варфоломея Первого в числе глав Поместных Православных Церквей. Это произошло впервые за 1008 лет истории Русской Православной Церкви.

Событие это — кульминация развивавшегося в последние годы конфликта вокруг Православной Церкви в Эстонии. Часть ее была подвергнута активному давлению со стороны эстонского правительства с целью вытеснения из страны русских верующих. Православная Церковь в Эстонии не получила официальной регистрации, и при этом священников и паству принуждали к прекращению всяких связей с Православной Церковью в России, что является вопиющим нарушением элементарных прав человека и свободы религии.

В создавшейся ситуации действия эстонских властей, направленные на уничтожения православия, нашли поддержку у Константинопольской Патриархии, желающей распространить свое влияние на паству в Эстонии. Синод Московской Патриархии высказал категорическое несогласие с намерением Константинополя принять под свою юрисдикцию раскольничью группу священников и мирян, действия которых поддерживаются эстонским правительством. Не вняв призыву Московской Патриархии, по согласованию с властями, в Таллине объявили о созданной новой „Эстонской Апостольской Право-

славной Церкви“ в юрисдикции Константинополя.

Действие это является грубейшим нарушением всех канонических правил, существующих в православном мире, вторжением на территорию другой Поместной Православной Церкви.

ПУТЬ К ПРЕСТОЛУ

Нам пишут из Рима:

История знает множество разнообразных попыток добиться королевского трона. Однако Эммануэле Филиберто, принц Савойский, внук последнего итальянского короля Умберто Второго, правившего страной всего 34 дня и отречьегося от престола после референдума 1946 года (когда итальянцы, незначительным большинством решили, что страна должна стать республикой), пошел весьма необычным путем, чтобы заручиться поддержкой соотечественников и вернуться на родину.

Принц начал сотрудничать с итальянской телекомпанией РАИ в качестве футбольного комментатора: таким образом он решил начать возвращение на родину. Сейчас принц два раза в неделю рассказывает итальянцам о своих впечатлениях от прошедшей футбольной недели и особо останавливается на игре своей любимой команды — „Ювентус“.

„Как же я могу не говорить об этой команде, если итальянскую королевскую семью связывают с этой популярной командой давние отношения, настолько прочные, что футболисты „Ювентуса“ в 1983 году, после смерти Умберто Второго, вышли на поле с траурными повязками на рукаве“, подчеркивает принц.

„Вы, наверное, понимаете, — продолжает принц, — что футбол для меня лишь предлог поближе познакомиться с моей семьей, дать им возможность увидеть, что я сам собой представляю. Кстати, это немаловажно, ибо у большинства жителей страны сложилось превратное отношение к королевской семье. Многие считают нас богатыми прожигателями жизни, хотя на деле это совершенно не так. Я, к примеру, работаю целую неделю в банке, вставая в семь утра и заканчивая работу в половине седьмого вечера. Кроме того, веду две телепередачи в неделю, а это тоже требует определенной подготовки“.

Специалисты оценивают шансы проживающего в Женеве Эммануэле Филиберто (королевской семье запрещено возвращение на родину) довольно оптимистично. Через полвека после провозглашения республики, после тьмы непрекращающихся политических скандалов, многие итальянцы всерьез задумываются о восстановлении монархии и о короле — гаранте свобод. Даже некоторые официальные лица в своих речах говорят о возможности восстановления монархии. Что же касается народного мнения, то, по оценке социологов, около трети итальянцев — за возвращение короля на престол.